

Он не знал, как помочь, и это причиняло боль. И что еще хуже, даже если он и догадается, это будет не его дело. Оби-Ван больше не был его хозяином... и с этим фактом было связано слишком большое облегчение, чтобы он мог попытаться изменить его. Но в то же время он знал этого человека - знал, что Оби-Ван жил для других людей и с радостью променял бы свою жизнь на их. Он никогда не жил для себя. Ни разу.

Энакин ненавидел свой первый год в Храме в оригинальной временной шкале. Он никогда не чувствовал себя таким одиноким и никому не нужным. Но неважно, был он нежеланным или нет, его вдруг поразило, как сильно Оби-ван прижимался к нему. Энакин зависел от Оби-вана во всем - от дома до будущего. Без него его в лучшем случае отправили бы в Корпус службы джедаев. Осознание того, что чья-то жизнь так отчаянно связана с его собственной, придавало ему силы, как ничто другое. Оби-ван не хотел Энакина, но он жил ради Энакина, потому что таков был Оби-ван - все остальные были для него на первом месте.

А у этого Оби-вана такого не было.

Энакин знал, что жизнь несправедлива (ох, как он знал), но, похоже, он довольно внезапно осознал, насколько вся их с Оби-ваном ситуация была подстроена, и не обязательно Советом или даже Палпатином, но жизнью в целом. Оби-ван не был готов принять Энакина, но ему нужно было принять Энакина, чтобы выжить. Это отравляло их отношения, но в то же время укрепляло их. И... даже зная, чем все закончилось, он скучал по этому. Ему не хватало постоянного присутствия Оби-вана. Он все еще не мог простить его, но они были близки, и часть его души хотела вернуть это. Энакин обманывал бы себя, если бы говорил обратное. Он не считал это здоровым, и даже сейчас думать об этом было почти физически больно.

Неудивительно, что его чувства к Оби-Вану представляли собой один сплошной запутанный клубок. Но это не означало, что он хотел, чтобы тот умер.

Это было странное откровение, от которого он едва не отказался. Он действительно и искренне не хотел, чтобы Оби-Ван умер. Может быть, он смирился (а не простил) с тем, что между ними произошло?

Оби-Ван молчал, пока Энакин погружался в раздумья, вероятно, блуждая по своим личным откровениям.

Наконец, усилием воли, Энакин решил, что на этот раз ему придется отбросить свою гордость, как бы сильно она его ни раздражала.

"Здесь... много людей, которые воспримут твою смерть так же тяжело, как ты воспринял смерть своего Учителя".

Оби-Ван просто смотрел на него, моргая в каком-то оцепенелом шоке. Через несколько минут Энакин решил, что сказал все, что нужно, и кивнул рыцарю, после чего направился к своим союзникам, которые остановились, чтобы понаблюдать за происходящим с расстояния нескольких метров.

К счастью, они были достаточно интуитивны, чтобы ничего не сказать, и, опустившись рядом с ним, направились в класс.

xXx

Весь оставшийся день Энакин не мог избавиться от тревожного чувства, которое вызвала у него стычка с Оби-ваном. Этот Оби-ван казался таким непохожим на его Оби-вана, а ведь он пробыл в прошлом всего чуть больше половины года по галактическим стандартам. Оно не было огромным или очевидным, но оно было, и это одновременно давало Энакину надежду и заставляло его насторожиться. Что еще изменили его действия, о чем он не имел ни малейшего представления? И будут ли эти изменения похожи на те, что он видел в Оби-Ване? Не обязательно в лучшую сторону, но и не обязательно в плохую - ему нравилось, что Оби-Ван в этой вселенной казался менее строгим и более принимающим, но и безрассудство, которое он ощущал, ему тоже не нравилось. И как он мог справиться со всеми этими изменениями?

Ему не потребовалось много времени, чтобы прийти к выводу, что нужно просто принимать их по одному и справляться как можно лучше. Еще чуть больше времени ему потребовалось, чтобы понять, что именно это он и делал все это время. Это не слишком укрепляло его надежды на будущее.

В конце концов он просто выкинул эту мысль из головы. Он ничего не мог поделать с Оби-Ваном... и его смущало, что он вообще хотел что-то сделать, сколько бы он ни твердил себе, что это не его дело и он не должен чувствовать себя обязанным.

Все еще пребывая в том же созерцательном настроении, он направился на последнее занятие дня... то, которое предшествовало предстоящему сеансу с Гиртом. Это знание не способствовало его нервам. К счастью, это был тот предмет, который он не мог провалить: теория силы. Особенно на его нынешнем уровне посвящения, этот предмет даже отдаленно не мог считаться сложным для него. В более поздние годы он узнал, как общество может влиять на тембр Силы в области - сохранять ее темной или поддерживать чистой, как можно начать очищать темную область Силы, как создавать простые неодушевленные предметы, поддерживающие сигнатуру Силы, и так далее. Все эти темы были увлекательны, сколько бы раз Энакин их ни изучал, но на текущем уровне занятий речь шла в основном об описании техник, которые можно использовать для доступа к Силе под принуждением (которые они позже будут практиковать на занятиях по техникам Силы), о том, как физическое состояние человека может повлиять на его способность получать доступ к Силе, и о других столь же скучных основах.

Поскольку на занятиях рассматривалась теория, которую Энакин уже давно выучил наизусть, он с легкостью возглавлял класс. Лучшее, что мог сделать для него класс на данный момент, - это дать ему ориентиры, какой уровень владения Силой должен быть подходящим для ребенка его возраста.

Сегодня учитель, некто Мастер Клеон, вернул ему сочинение, в котором Энакин доказывал, что может писать во сне, поскольку практически так и делал. Сочинение было сдано на следующий день после стычки с Охотниками за головами и сразу после столкновения с Тру

Вельдом. Он почти не сомневался, что получит полную оценку. На самом деле его беспокоило то, что он, возможно, слишком устал и не смог изложить все так подробно, как обычно.

Гах! Забудьте о Сидиусе, именно сочетание бесчисленного количества подобных мелочей, накладывающихся друг на друга, разрушит его жизнь!

"Эй, ты в порядке?" - раздался голос, и он поднял голову, чтобы увидеть Койру, Хик'те, Торана и Хейла, которые настороженно смотрели на него. Мэйли ушла в класс, но Энакин видел, как она с тревогой смотрит на их маленькую группу у двери.

"Да, - ответил Энакин, порицая себя за то, что слишком погрузился в свои мысли. "Я просто немного устал сегодня".

Койра закусила губу и нервно посмотрела на мальчиков. Мэйли сказала, что ты весь день вел себя странно... - она замялась, и Энакин услышал "опять", которое, как все знали, должно было стоять в конце этого предложения.

"Да, с тех пор как ты поговорил с тем рыцарем", - сказал Хик'те своим обычным жизнерадостным голосом, который не соответствовал его озабоченному выражению лица.

"Подождите, он разговаривал с рыцарем?" - спросил Торан. спросил Торан, его большие карие глаза расширились от удивления.

"Да, - ответил Хик'те, и волнение в его голосе вдруг показалось ему гораздо более искренним. Он был бы хорошим агентом под прикрытием, если бы кто-нибудь взял его на службу и помог научиться контролировать свою, казалось бы, бесконечную энергию". Энакин и не подозревал, что навязал ему этот тон, пока не услышал искреннее волнение. "И я думаю, это был рыцарь Кеноби!"

"Убийца ситхов?!" удивленно переспросил Торан, его большие ноздри раздувались, когда он смотрел на Энакина.